

Александр КАРПЕНКО

* * *

Помнишь ночь под Гератом, мой друг?
Плыли звезды чужие вокруг,
И слова долетали сквозь ветер:
«Умирать нам совсем недосуг,
Ждут нас руки далеких подруг
И еще не рожденные дети...»

Пыль ползла по морщинам лица,
По тяжелым доспехам бойца,
Мир казался огромным и тленным.
Каждый шел по пути до конца —
И, приняв свою долю свинца,
Разошлись мы по разным вселенным.

Трудно память из нор вынимать,
Но не следует стулья ломать —
И пусть наши ряды поредели,
Мы смогли, мы успели понять,
Что труднее, чем вдруг умирать,
Жить — на самом последнем пределе!

Мы запомним на все времена
Все, что в нас проложила война,
И не выплатят дань ордена,
И не хватит всем звезд на могилы, —
И, конечно, не наша вина,
Что нам хочется снова сполна
Зачерпнуть эту чашу до дна,
Пробудив ее горькие силы.

КОЛОННА

Мы глаза в эту ночь не сомкнем,
Будем двигаться без промедлений.
Третьи сутки трясемся с зерном
Для голодных афганских селений.

Александр Николаевич Карпенко родился в 1961 году в г. Черкассы — русский поэт, прозаик, переводчик, композитор, телеведущий, ветеран-афганец. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор девяти книг стихов и прозы. Член Союза писателей России, Южно-русского Союза писателей и Союза писателей XXI века. Участник литературного объединения ДООС. Член Российского отделения Международного ПЕН-центра. Кавалер ордена Красной Звезды, ордена «За заслуги» и воинского ордена Святителя Николая Чудотворца. Лауреат премии Николая Островского (2016). Живет в Москве.

Пусть дороги в горах непрямы,
Довезти нужно каждую крошку:
Это — жизнь, и обязаны мы
Ради хлеба разбиться в лепешку.

Сколько грома и молний таят
Те памирские горные склоны!
И не счесть ахиллесовых пят
У обутой в резину колонны.

Начеку мы. Опасность везде
Может выбить движенье из ритма.
Снова очередь — там, в темноте —
Полоснула по склону, как бритва.

«Дай гранату! Скорей же, браток!»
Но рука достает из кармана
Письмецо, что отправить не смог.
Ты о чем сейчас думаешь, мама?

* * *

Я к фляге
жадно припадал,
Я грыз
кирпич ржаного хлеба,
А ветер штопал и латал
Разорванное в клочья
небо.

И стаи мыслей — косяком —
Меня сносили вниз,
к дороге,
Там человек
лежал ничком
И холодел
на солнцепеке.

И, странно
погруженный в слух,
Среди песчаной
круговерти,
Я различал
дыханье мух —
Жужжащий запах
близкой смерти...

ПРЕРВАНЫЙ РЕКВИЕМ

Уж сколько их упало в эту бездну...
Марина Цветаева

Мы теряем любимых. Но сколь бы
Ни безмерна утрата была,
Нам дано отвлекаться от скорби
На сумбурные наши дела.

Возвращаются радость и гордость;
Осыпается траур с лица —
Лишь полынная, терпкая горечь
Не спеша покидает сердца...

Нам в ушедших нельзя воплотиться,
Возвратить им угаснувший свет —
И минута молчания длится
В тех, кто вынул счастливый билет...

Высока за познание плата,
И на жребий нам трудно пенять.
Мне сегодня непросто, ребята:
Мне еще предстоит умирать.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ БОЙЦА

Тише, тише,
Небо звездное — ветхая крыша —
Тихо трассеры прошуршат
Выше, выше —
В твердокаменной нише
Я не слышу, о чем говорят
С ветром души...
Шепот глуше,
Барабан за моей спиной —
Грому снятся военные марши —
Станет мир на мгновение старше,
Этой ночью простившись со мной.

У КОСТРА

Здесь обманчивых дней мудреней вечера:
Моджахеды попрятались в норы.
Мы с афганским комбатом сидим у костра
И неспешно ведем разговоры.

Вот и горы надели вечерний наряд,
Солнце больше не жжет и не сушит —
Только всплески огня и потери ребят
Обжигают нам яростно души...

«Погоди, тарджумон¹, — говорит мне комбат, —
Беречь эту рану не надо.
Где-то там, у душманов, воюет мой брат.
Завтра встречу я, может быть, брата.

Чует сердце, он в эти подался края...
Он, конечно, не прав, только все же...
Не прощу себе я, если пуля моя
Эту жалкую жизнь уничтожит».

Он сорвался на крик — и внезапно умолк,
Но молчание тут же прервалось:
Кто-то выл вдалеке, как затравленный волк.
Ну а может быть, мне показалось...

Это волчьи законы и волчья родня,
Если брат ополчился на брата!
Разгорался костер — и подумал вдруг я,
Что война не во всем виновата.

* * *

Из земли, изувеченной
язвами мин,
Изможденные, злые как
черти,
Ветераны боев
возвращаются в мир
На правах победителей
смерти.

И не скажут вам метрики,
сколько нам лет:
Так случилось —
на высях сожженных
Прикоснулись мы к вечному
миру, где нет
Победителей и побежденных.

Вот поднялся наш лайнер,
мы вышли в зенит,
Жизнь и смерть — мы
раздвинули грани!

¹ Тарджумон — переводчик (фарси).

Только на север, на север
летит,
А душа остается в Афгане.

И, преследуя солнце,
мы рвемся домой —
К нашим семьям, по нам
тосковавшим, —
А над выжженной солнцем
афганской землей
Наши души вселяются
в павших.

* * *

Поговори со мной, трава,
Скажи мне, где берутся силы?
Меня ведь тоже так косили,
Что отлетала голова.

Скажи, подружка, как дела?
Какие ветру снятся дали?
Меня ведь тоже поджигали —
И я, как ты, сгорал дотла.

Откуда силы-то взялись?
Казалось — только горстка пепла,
Но мы из пройденного пекла,
Как птица Феникс, поднялись.

Скажи мне нежные слова.
Нас ждут и праздники, и будни.
Я снова молод, весел, буен.
Поговори со мной, трава!